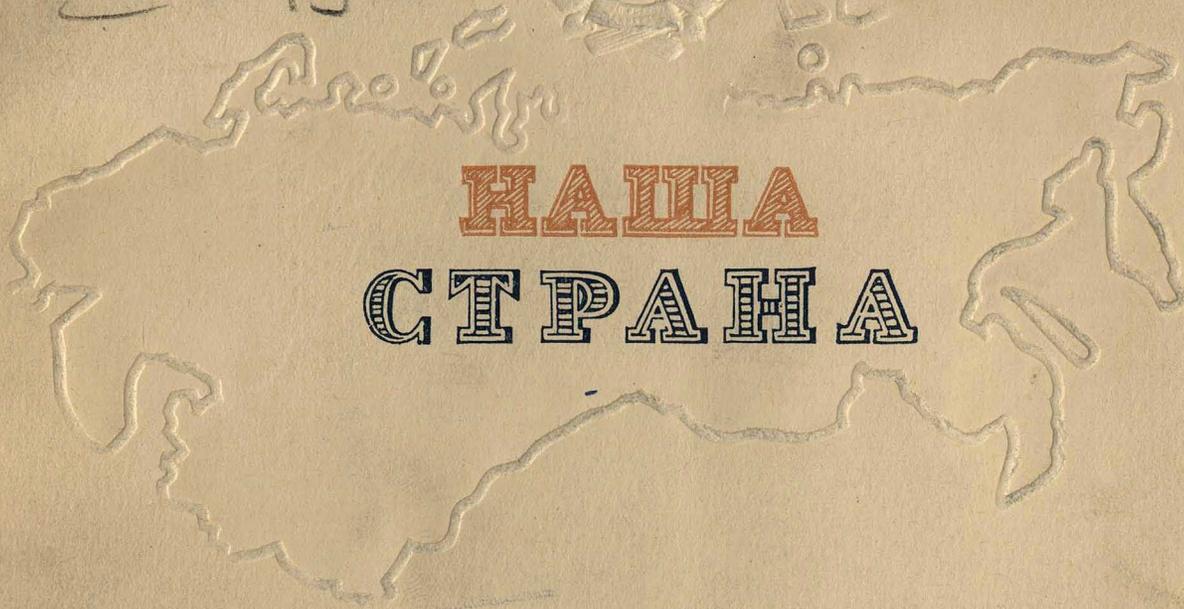

1.
Всесоюзная
Библиотека ЕКА
и
В. И. Ленина

XIX $\frac{456}{45}$

**НАША
СТРАНА**

3

1979

СТРАНА БЕЛОГО ЗОЛОТА

Ив. Сергеев

В 60-х годах прошлого века войска царской России, продолжая дело, начатое еще Петром I, который искал пути в Индию, двинулись в Среднюю Азию.

Наступление торопили помещики и капиталисты: им нужен был рынок сбыта для русских товаров и сырьевая база для текстильной промышленности. В Средней Азии рос хлопок, который Россия покупала за границей, главным образом в Америке. Но в те годы на территории Северной Америки шла гражданская война. Вывоз хлопка упал, сотни текстильных предприятий России остановились.

В 1865 году царские войска, потеряв немало людей при переходе через безводные степи и пустыни, заняли крупнейший город Средней Азии — Ташкент.

Три года спустя был взят Самарканд. В ближайшем от Самарканда городе — Бухаре народ восстал и потребовал от эмира решительной борьбы с русскими. Однако эмир, стремясь сохранить власть, помог русским генералам разгромить народное восстание.

В 1873 году участь Бухарского ханства, ставшего вассальным государством в составе Российской империи, разделила и Хива. В главном городе этого ханства был в то время самый крупный в Средней Азии невольничий рынок.

Прошло еще три года — и под ударами Российской империи пало Кокандское ханство. Народ, вооруженный кольями, ножами и старыми кремневыми ружьями, преданный Худояр-ханом, не смог оказать сопротивления царской армии, вооруженной винтовками и артиллерией. Разграбленная, разрушенная страна стала колонией Российской империи.

«Белое золото» страны — хлопок — оказалось в руках русских промышленников.

В крае, завоеванном русскими, 90 процентов населения составляли узбекские и таджикские дехкане — крестьяне. Больше половины дехкан были бедняками. Основная масса горожан занималась кустарными промыслами, вырабатывала на узких станках грубую хлопчатобумажную ткань — мату, ковала ножи и подковы, выделывала домашнюю утварь и кожи, обжигала посуду, валяла шерсть, ткала ковры и шелковые ткани, вышивала цветным шелком тюбетейки и широкие, похожие на ковры, сузанэ. В городах жили, главным образом, ремесленники и торговцы, вокруг городов — дехкане. Земля была на редкость плодородна, но орудия обработки земли — деревянный омач (соха), мола (деревянная борона), кетмень (мотыга) — и методы обработки оставались без

изменений в течение многих сотен лет. Урожай были низки. Половину бедняцкого урожая отбирали местный кулак — бай, эмирские или ханские чиновники, муллы и старшины, в долгу у которых постоянно был дехканин.

Захват Средней Азии царской Россией лег новым, еще более тяжелым бременем на дехкан. Фабриканты и заводчики завалили рынки дешевыми товарами. Ремесленники и кустари не могли выдержать конкуренции. Промысла захирели. Города наполнились нищими. Нужда гнала их на хлопковые плантации.

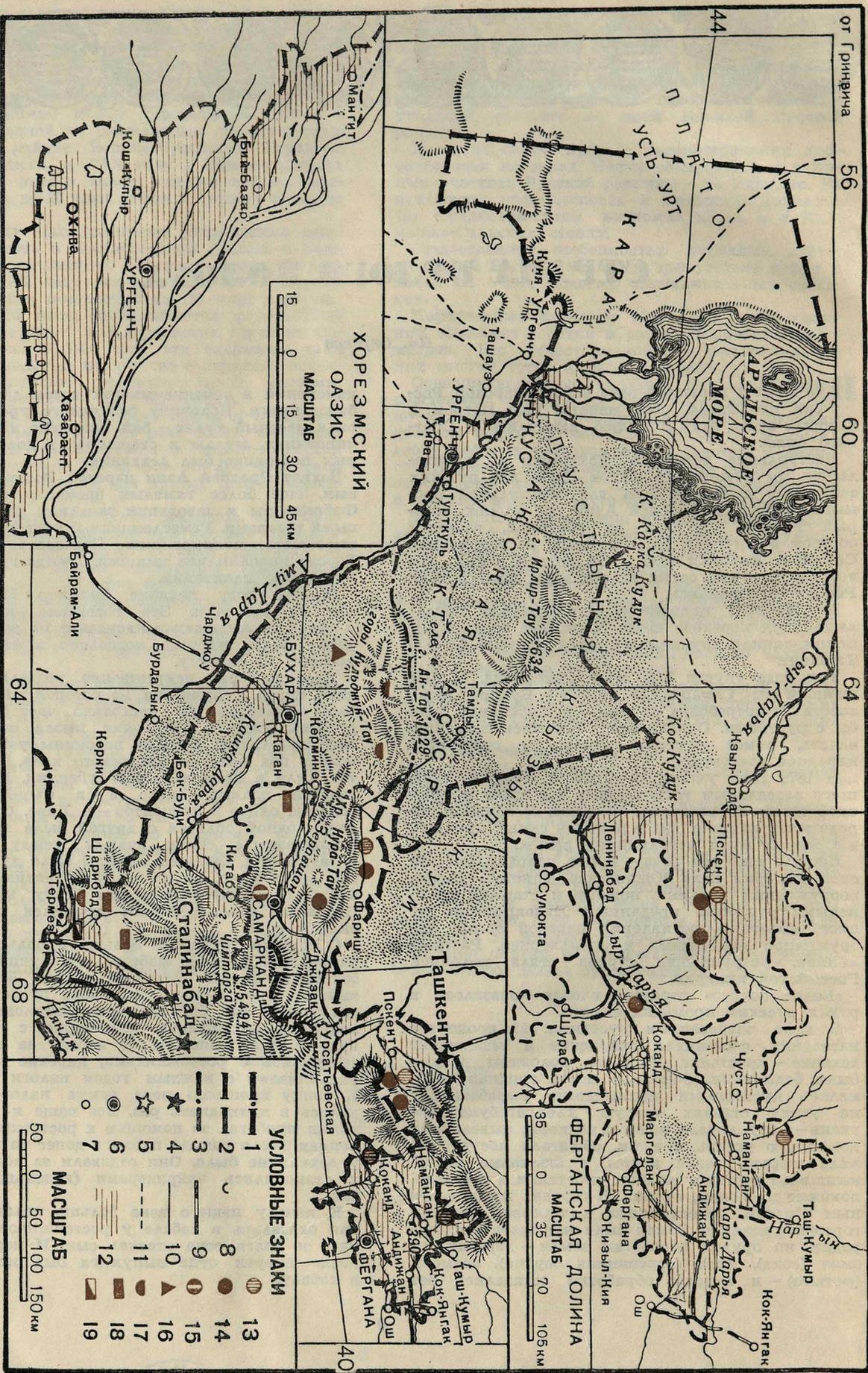
В 1898 году дехкане бывшего Кокандского ханства восстали. Это восстание, вылившееся в поход на Андижан и нападение на русский гарнизон, было жестоко подавлено и его главари сосланы на каторгу.

Колонизаторы искусственно разделили узбекский народ. Территория, на которой жили узбеки, была разорвана на несколько частей. Каждая область, ханство, губерния имела свой центр, свое начальство. Больше половины узбеков оставалось под властью бухарского хана, 16 процентов жили в Самаркандской губернии, 10 — в Ферганской долине, около 6 — в Сыр-Дарьинской области, около 3 процентов — в Хиве. Связь населения одной области с другой была затруднена. Колонизаторы сеяли вражду между узбеками и таджиками. Орудием вражды было духовенство. Оно разжигало религиозный фанатизм, натравливая одну мусульманскую секту на другую. Правящий класс всячески стремился раздробить силы народа.

С каждым годом все больше и больше хлопка уходило на русские фабрики. На лучших землях заставили дехкан разводить хлопок. Дехкан обязывали сеять хлопок не только русские чиновники, но и бай, богатевшие на эксплуатации бедняков, и ростовщики, взимавшие с должников чудовищные проценты. В погоне за прибылью, соревнуясь с ростовщиками, царские чиновники увеличивали с каждым годом налоги и подати. К концу прошлого века сумма налогов увеличилась в пятнадцать раз. Все чаще и чаще дехканин прибегал за помощью к ростовщику. Утомленная земля рожала плохо, а денег на удобрения у дехкан не было. Они отдавали за долги землю и становились чайрикерами (издольщиками) у бая.

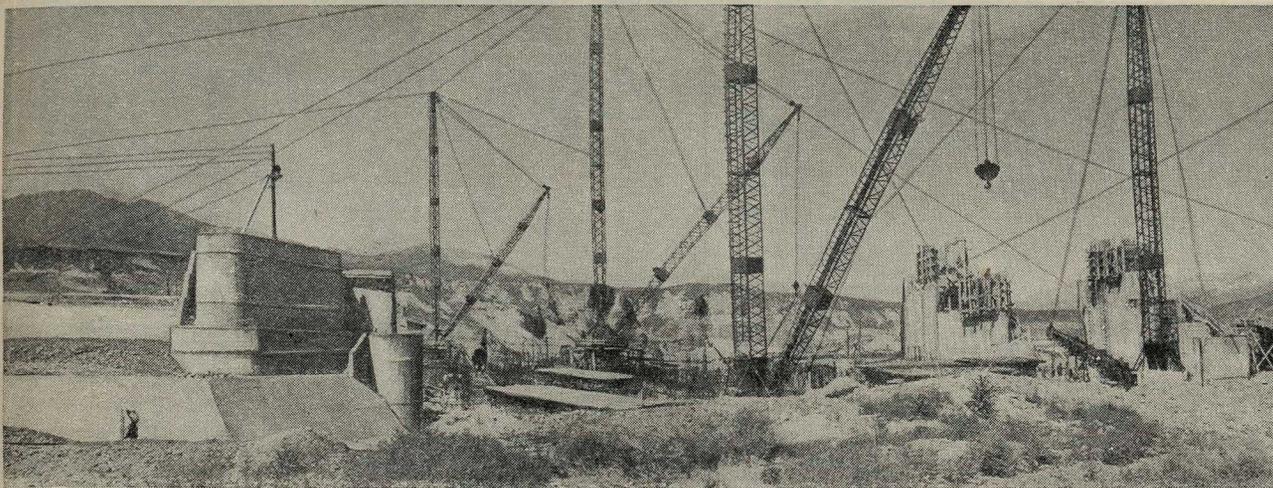
К началу нашего века больше половины дехкан оказались в кабале у ростовщиков. По обычаю, за долги отца отвечал сын. И нередко сын после смерти отца вынужден был итти к баю в кабалу.

КАРТА УЗБЕКСКОЙ ССР.

1. Государственная граница.
2. Граница ССР.
3. Граница АССР и областей.
4. Столица ССР.
5. Столица АССР.
6. Центры областей.
7. Прочие города.
8. Колонии.
9. Железные дороги.
10. Грунтовые дороги.
11. Тропы.
12. Главнейшие орошаемые площади.
13. Зоолого.
14. Медь.
15. Виснец и полиметаллы.
16. Сера.
17. Соль.
18. Уголь.
19. Нефть.

Строительство плотины на реке Чирчик.

Так «белое золото» фабрикантов стало белой чумой для народов Средней Азии. Жизнь узбекского и таджикского дехкана перестала отличаться от жизни индусских, египетских и китайских крестьян, сеющих хлопок.

Прекрасная солнечная страна, завоеванная Российской империей, мало-помалу приходила в упадок. Земля истощалась, дехкане нищали. На нищете и горе народа, не раз подымавшего восстания, чтобы сбросить иго колонизаторов, богатели местные феодалы и бай-кулаки — верные союзники царского правительства, фабриканты, вывозившие отсюда сырье и ввозившие сюда товары, заводчики, платившие рабочим хлопкоочистительных заводов нищенскую зарплату, ростовщики, чиновники-взяточники и муллы, призывавшие народ терпеть и покоряться.

Ежегодно из Средней Азии уходили на север миллионы пудов хлопка-волокна. Маленькие клочки полей требовали огромного труда, животноводство падало, хирели старинные промыслы, шелковая кустарная промышленность сохранилась лишь в Самарканде, Маргелане и Бухаре, да и та была в упадке; народ жил в темноте и невежестве. К началу революции край, который зовется ныне Узбекистаном, пришел нищим и разоренным.

★

Узбекистан — одна из самых южных республик Советского Союза. На север от нее тянутся огромные просторы Казахской ССР, на юг и восток — снежные горы, зеленые долины, бурные реки Киргизии и Таджикистана. Часть южной границы проходит по могучей реке Аму-Дарья. За рекой лежит каменистая земля Афганистана. На западе и юге Узбекская республика граничит с Туркменией.

Реки Узбекистана берут свое начало в Киргизии и Таджикистане. Аму-Дарья, самая мощная и полноводная артерия Средней Азии, дважды подходит к территории республики: на юге у пограничного городка Термеза, где по берегу Аму-Дарьи тянется железнодорожный путь из Бухары в столицу Таджикистана — Сталинабад, и на северо-западе, где Аму-Дарья течет по землям Кара-Калпакии.

Дважды пересекает территорию Узбекской республики и длинейшая река Средней Азии — Сыр-Дарья. Она возникает в Ферганской долине при

слиянии двух горных потоков — Нарына и Кара-Дарьи. Выйдя из Ферганской долины, река прорезает северную территорию Таджикистана и направляется к северу, орошая Голодную Узбекской ССР.

Третья большая река — Зеравшан — берет свои воды от ледников Таджикистана и катит их с востока на запад по землям самаркандских и бухарских районов; в 20 километрах от Аму-Дарьи Зеравшан теряется в песках Кызыл-Кумов.

Десятки малых рек Узбекистана не доходят до водных магистралей Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи; хлопок требует орошения, и воды рек уходят на поля. Почти все хлопковые посевы орошаются искусственно. В небольшом количестве районов есть богарные (неполивные) земли. Здесь сосредоточены посевы зерновых культур. Урожай зависит тут от дождя, а дожди в летние месяцы очень редки. В Бухарском оазисе или в Термезском районе в июне, июле и августе не увидишь на небе и самого маленького облачка, — медленно плывет жаркое солнце по ослепительно синему небу, нагревая землю до 70—80 градусов.

Оросительная сеть действует, как кровеносная система. Организм живет и работает, пока кровь регулярно подается во все его части. Так же точно арки несут к корням хлопка живую воду плодородия.

В Узбекистане, да и всюду в Средней Азии, особенно понятно, что вода — это жизнь. Есть вода — на светлой лессовой почве зеленеют поля клевера и риса, хлопковые плантации, огромные, в несколько обхватов, платаны, пышные тутовые деревья, стройные тополя, круглые, как шары, карагачи. Но там, где кончается вода, там, где она тонкой ленточкой струится в узеньком, как горло, арыке, там начинается пустыня.

Вода в Узбекистане, как и всюду в Средней Азии, — богатство. Все богатства находились в руках богачей, и вода была в их власти. Водой распоряжались байы: в первую очередь орошались их поля, в последнюю — поля бедняков. «Вода — ничья, — говорили законы. — Вода — божья!» Но бог служил богатым, а не бедным. В каждом селении жил выборный почетный человек — мираб, устанавливавший порядок пользования водой. Мирабов, в переводе — князей воды, конечно, выбирали не из бедняков, и вместе со всеми князьями мира они также служили интересам богатых.

В оазисах Узбекистана, расположенных по долинам рек, стоят крупнейшие города Средней

В Ферганской долине.

Фото Д. Дебазова

Азии — Ташкент, Самарканд, Бухара, Коканд, Наманган, Андижан. Столица республики — Ташкент — огромный город. В нем живет больше полумиллиона человек. По количеству населения он занимает седьмое место в Советском Союзе.

Как большинство среднеазиатских городов, Ташкент до недавнего времени делился на две части, резко отличавшиеся друг от друга, — азиатскую и европейскую. Теперь грань между старым и новым Ташкентом стерта. В старый город идут трамваи и автомашины, тесные улочки раздвинулись, их замостили камнем и асфальтом; электричество и водопровод, деревья и цветы появились на обновленных улицах старого города. На месте городской свалки разбили парк культуры и отдыха. Сады ташкентских богачей, таившиеся за глухими дувалами, стали общественным достоянием.

Рабская жизнь под ярким солнечным небом, на цветущей земле, где журчали арыки, где стояли старинные города с глухими улочками, где проходили женщины-призраки, тянулись караваны верблюдов и гремели трубы базарных глашатаев, длилась до самой Октябрьской революции.

Сотни лет «седой Восток» оставался неизменным. Веками томились в затхлых ичкари — гаремах — бесправные женщины. Их отдавали замуж восьми и девяти лет, а в двадцать пять — тридцать лет относили на кладбище.

В жестокой кабале начиналась и кончалась жизнь узбекской женщины. По «закону отцов» она не считалась человеком. Ее разрешалось продать, убить, выгнать на улицу, подарить, купить.

В первые годы после революции у тринадцатилетних девочек нередко на руках, кроме тряпичной куклы, был и собственный малый ребенок. Могли ли быть у этих маленьких женщин детство, юность и молодость?

В Советском Узбекистане девушки не знают уже ни ранней старости, ни горькой жизни, ни печальных песен. Но не даром досталась их матерям и старшим сестрам новая жизнь. Опираясь на помощь передовых узбеков-коммунистов, они завоевали ее против воли мужей, отцов и братьев, скованных обычаями, предрассудками и религией. Баи и муллы пытались остановить движение женщин, угрожая им небесными и земными карами.

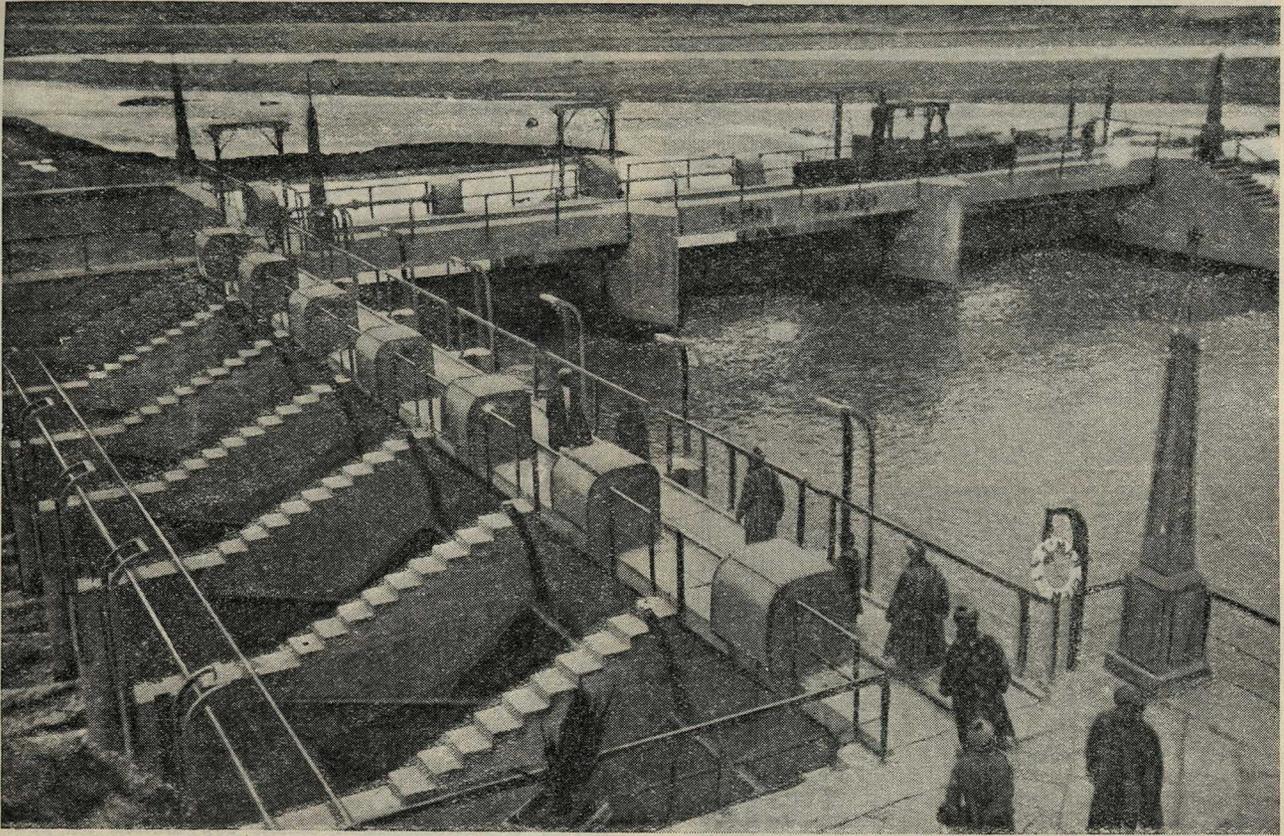
«Худжум», или по-русски наступление, — одна из самых кровавых и героических страниц истории освобождения женщины Востока.

Сотни героинь были сожжены озверелыми баями, сотни умерли от ножа. Женщин, сбросивших паранджу и открывших лицо, побивали камнями, травили собаками, вешали, рубили головы, закапывали живьем в землю.

Но советская власть жестоко карала за преступления против женщин. Ранние браки были запрещены, женщина получила равные права с мужчиной, и узбечка впервые почувствовала себя не рабой, не невольницей, а свободным человеком.

Особенно сильна была в борьбе с «худжумом» реакционная роль мусульманского духовенства. Религия опутывала народ по рукам и ногам: в одном Ташкенте насчитывалось около 300 мечетей.

По дореволюционной статистике, народ был неграмотен поголовно; в низших школах духовенство заставляло учеников зубрить коран на непо-

Зеравшанская плотина. Самарканд.

нятном арабском языке. Грамотность узбеков не достигала и двух процентов. Двое грамотных из ста были обычно бай-землевладельцы или купцы.

Русские колонизаторы не считали нужным заботиться о просвещении народа.

Тупые «культуртрегеры» буржуазии убежденно доказывали, что узбеки не могут иметь ни своего литературного языка, ни своей культуры. Только немногие из тех, кто приехал сюда, в эту солнечную страну, не для того, чтобы грабить «инородцев», с удивлением и восторгом изучали прекрасную архитектуру мечетей и дворцов, разыскивали древние книги, по обрывкам легенд, исторических хроник и книг узнавали историю страны.

Многое пережила за тысячелетие страна узбеков. Были здесь и турки, и иранцы, и арабы и кара-китаи, пришедшие с востока, и монгольские полчища Чингисхана, и татарская конница золотоордынского хана — могущественного Узбека. Памятно здесь имя Тимура, или Тамерлана, — знаменитого средневекового полководца. Широкие народные массы знали Тимура как одного из самых блестящих и могущественных эмиров Средней Азии.

О нем сохранились сотни преданий не только в памяти народа, но и в старых записях европейских путешественников и послов, побывавших при его дворе. Память о нем хранят и замечательные произведения зодчества.

Самыми выдающимися сооружениями царских сатрапов были церкви и тюрьмы. Вслед за завоевателями в Узбекистан хлынули любители легкой наживы; о них с возмущением писал даже бур-

жуазный историк в своей книге «Первые шаги русской торговли и промышленности в Ташкенте».

«Прежде всего, к нашему стыду, обращается внимание на устройство винокурных заводов и открытие кабаков, — повествует этот летописец, — Кроме этого, открыто 11 бань, при которых содержатся проститутки... Среди хозяев бань — офицеры... Лучшие бани на Обуховском проспекте и на углу Ирджарской улицы принадлежат протоиерею А. Е. Малову».

Такова была «культура» колонизаторов — церкви, тюрьмы и кабаки, попы и офицеры в роли содержателей притонов.

Колонизаторы не собирались строить крупные промышленные предприятия. Более того, под давлением фабрикантов Москвы и Петербурга царское правительство категорически запретило строить здесь фабрики и заводы, за исключением предприятий, производивших первичную обработку сырья. Рабочий день на этих предприятиях продолжался 12—18 часов в сутки, а заработная плата была на 30—40 процентов ниже общероссийской. Рабочие жили в землянках или под открытым небом. Узбеки при равной квалификации получали меньшую зарплату.

Жестокая эксплуатация дехкан, которых обязывали сеять хлопок, все же не освободила российских фабрикантов от иностранной зависимости. Низкая урожайность и невысокое качество местного хлопка заставляли фабрикантов ввозить из-за границы почти половину необходимого для текстильной промышленности хлопка. Перед империалистической войной Узбекистан стал страной монокультуры, т.е. страной, где разрешалось сеять только одну культуру — хлопок. Около 90

НА ФОТО СВЕРХУ ВНИЗ: Текстильный комбинат имени Сталина в Ташкенте. У школы ликбеза каракулеводческого совхоза «Нисан». В машинно-тракторной мастерской.

процентов всей посевной площади было занято под хлопок. Хлеб доставлялся с Поволжья и Северного Кавказа. Подвоз хлеба в период империалистической войны сократился, цены резко поднялись, выросла спекуляция. Весной 1916 года наступил голод.

Летом 1916 года началась «реквизиция инородцев», не мобилизация, а реквизиция. Своих колониальных рабов императорская Россия приравнивала, таким образом, к скоту, который обычно подвергался реквизициям. Узбеки, таджики, туркмены, киргизы тысячами гибли на «тыловых работах» от сурового климата, голода и цынги.

В ответ на реквизицию, голод, спекуляцию и грабеж вспыхнуло грандиозное восстание 1916 г. Его зажгли таджики Ходжента и голодные, ограбленные хлопкоробы Ферганской долины и Ташкентского оазиса. Оно охватило всю Среднюю Азию. О размерах и характере восстания можно судить по тому, что для подавления его царское правительство направило снятых с фронта солдат, орудия, казаков, саперов и, наконец, бронированный поезд. Восстание было подавлено, многих приговорили к смертной казни, многих сослали на каторгу. Часть повстанцев бежала в горы, в Афганистан, в Бухарское ханство и вернулась на родину после Февральской революции. В горячие сентябрьские дни 1917 года рабочие и солдаты вели ожесточенные бои с военными частями Временного правительства.

В этой борьбе особо важную роль играл Ташкент — самый пролетарский город Средней Азии.

Ташкентские железнодорожные мастерские, электростанция, хлопкоочистительные, маслобойные, винокуренные заводы, небольшие фабрички и кустарные предприятия выдвинули не одну тысячу борцов за освобождение страны от феодалов, капиталистов, интервентов и басмачей. Здесь, в Ташкенте, партия большевиков создала крепкую организацию, которая стояла во главе всех среднеазиатских народов, ведя их к победе. И здесь же в Ташкенте в 1920 году окончательно утвердилась советская власть.

Долго пришлось бороться узбекским беднякам за укрепление своей власти. Гражданская война отрезала Среднюю Азию от центра. Единственную дорогу, связывающую узбекскую страну с центральными русскими губерниями, заняли белогвардейцы. Ввоз хлеба и вывоз хлопка прекратился. С неслыханной силой обрушился на дехкан голод.

Этим воспользовались классовые враги. Баи, ростовщики и феодалы вместе с белогвардейцами вели ожесточенную борьбу против советской власти. Шайки басмачей — грабителей, организованные местной буржуазией и белогвардейскими офицерами, терроризовали население, убивали коммунистов, грабили маленькие города. Красная армия и узбекский народ, организованный партией большевиков, разгромили басмаческие отряды и очистили от бандитов страну, получившую в 1924 году имя Узбекистан.

Так родилось на свет новое государство узбеков — страна хлопковых полей.

В наследство от капиталистического мира мы получили разрушенные хлопкоочистительные заводы, истощенные хлопковые поля и хлопковую зависимость от заграницы. Советский Союз вынужден был покупать сырье для текстильной промышленности у капиталистов и платить за него золотом.

В 1920 году было засеяно около одной пятой части довоенной площади и собрано всего 350 тысяч пудов волокна, тогда как до войны, в лучший по урожаю год, Россия собрала больше 14 миллионов пудов.

Дехканские хозяйства медленно восстанавливались. Медленно росла посевная площадь под хлопком. Баи, уцелевшие после разгрома контрреволюции, бывшие царские и эмирские чиновники, ростовщики и муллы всеми способами тормозили подъем хлопководства в стране.

В укреплении советской власти коренилась их гибель, так как влияние их на бедняков ослабевало с каждым днем. Исчезла экономическая зависимость бедняка от баи и ростовщика, недавние батраки и чайрикеры (издольщики) получили

от государства землю и воду. Союз бедноты — «Кошчи» — кредитовал дехкан хлебом, деньгами, семенами. Неустанно рос и ширился хлопковый клин. Надежда баев на то, что рабочие и крестьяне не сумеют управлять государством, оказалась ложной.

Тогда баи снова сколотили басмаческие шайки. Басмачи налетали на кишлаки, громили дехканские хижины, поджигали сараи с хлопковым урожаем, рубили руки у дехкан, чтобы они не сеяли больше хлопка, обрезали им уши, чтобы они не слушали коммунистов, выкалывали глаза, чтобы они не читали богохульных советских законов. Наемные бандиты поджигали хлопкоочистительные заводы, разрушали оборудование, портили ирригационные сооружения — плотины, каналы, арыки.

Против басмачей выступили отряды вооруженных дехкан. Ни английское оружие, ни поддержка бухарского эмира, бежавшего в Афганистан, не помогли басмачам: к 1924 году были добиты последние басмаческие шайки.

Прошло несколько лет — и уже в 1928 году Советский Союз собрал 15 миллионов пудов хлопка-волокна, на 500 тысяч выше довоенного уровня; две трети всего хлопка дали поля Узбекистана.

В первой пятилетке, когда текстильная промышленность была полностью восстановлена, отечественного хлопка уже не хватало, так как покупательная способность населения выросла во много раз, хлопок приходилось покупать за границей. Ежегодно 120—150 миллионов рублей золотом уплывало из Советского Союза в карман иностранных капиталистов.

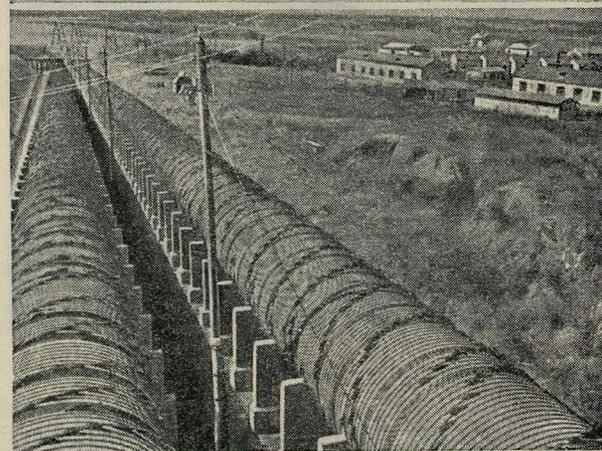
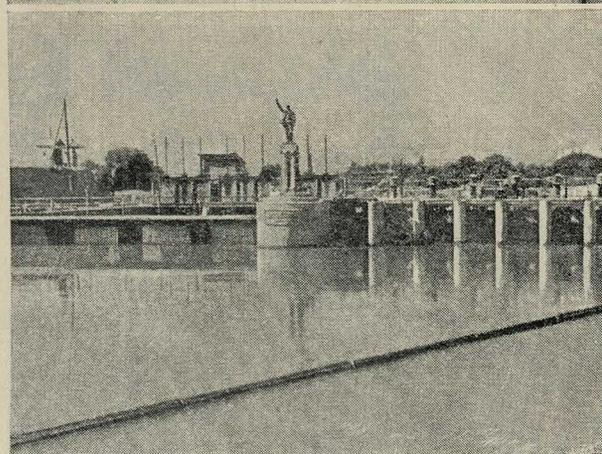
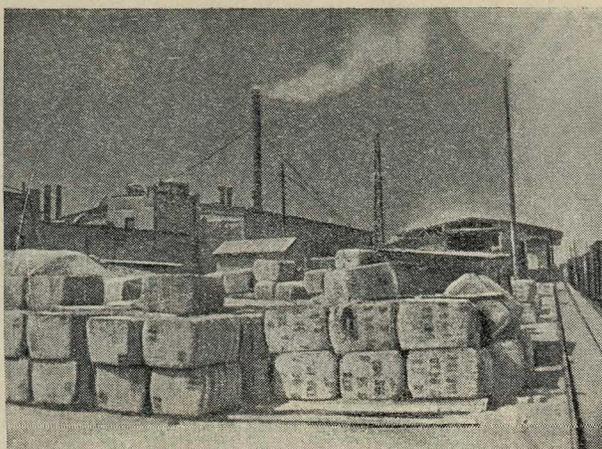
Великий бой за хлопковую независимость Советского Союза кончился блестящей победой. Уже в 1932 году советские хлопкоробы собрали около 24 миллионов пудов хлопка, освободив страну от иностранной зависимости. В 1934 году было собрано свыше 32 миллионов пудов. 1936 год принес полную победу: 46 миллионов пудов волокна ушло с хлопковых полей на текстильные фабрики. Приrost продукции за один только год равен был всей довоенной добыче хлопка. По сбору хлопка Советский Союз занял третье место в мире после США и Индии.

Решающую роль в этой величайшей победе сыграл Узбекистан, который дает сейчас 65 процентов советского хлопка.

На его полях возникли целые массивы невиданного здесь до сих пор хлопчатника — египетского, отличающегося тонким, длинным и крепким волокном. Из него ткют нежный маркизет, легкое шелковистое полотно и зефир. Старая Россия производила все эти ткани из дорогого иностранного хлопка.

Контрреволюционеры — троцкисты, правые и местные буржуазные националисты, пытавшиеся в союзе с иностранными разведками отторгнуть Узбекистан от СССР, всячески тормозили восстановление хлопкового хозяйства и борьбу за хлопковую независимость. Они пробрались к величайшей драгоценности республики — воде и, вкладывая в строительство оросительных магистралей миллионы рублей, строили каналы, по которым вода не могла течь, составляя проекты грандиозных ирригационных сооружений, разрушая действующую оросительную систему.

Но ни басмачам, ни баям, ни троцкистско-ходжаевской банде не удалось заставить Узбекистан свернуть с социалистического пути. 99,5 процента посевной площади Узбекистана принадлежит колхозам. Не та уж теперь земля — не мачеха, а кормилица. Опытные агрономы посланы государством в кишлаки. Хлопкоробы холят родную землю. Каждый год она получает тысячи тонн азотных и фосфатных удобрений. Ее обрабатывают не омачом, молотом и кетменем, а сельскохозяй-

НА ФОТО СВЕРХУ ВНИЗ: На хлопкозаводе в Коканде. Ташкент. Боссу-ГЭС. Водонапорные трубы Кадирья-ГЭС близ Ташкента.

ственными машинами, построенными на узбекских заводах. Мощные тракторы пришли на узбекскую землю с заводов братской Российской республики. Потоки хлеба идут в Узбекистан из Украины, с Северного Кавказа и из Сибири, Каспийским морем, Среднеазиатской железной дорогой и Турксибом, который проложили большевики через пустыни Казахстана.

В Узбекистане собирают уже не 2 центнера хлопка с гектара, как в 1920 году, а 16—17 центнеров. По урожайности страна далеко опередила Америку, где средний урожай хлопка не достигает 7 центнеров, и Индии, где гектар дает вдвое меньший урожай, чем в Америке.

Разрисовка капители.
Производственно-художественный комбинат в Ташкенте.

Фото Д. Дебадова

Ковровщицы за работой.

Фото Д. Дебадова

Фото Д. Дебадова

Оркестр народных инструментов государственной филармонии
Узбекской ССР.

Узбекские колхозы — это живое свидетельство победы социалистического строя. Гордость Узбекской республики — ее колхозы-миллионеры. Их сейчас насчитывается около пятисот.

Социалистическая земля щедро награждает колхозников за честный труд. Годовой доход на один колхозный двор равен в Узбекистане 15–20 тысячам рублей.

Рост благосостояния вызвал у дехкан сильную тягу к культуре.

Колхозы построили десятки гидростанций на каналах и на арыках, свыше 800 клубов, около 4 тысяч чайхан, 3 400 родильных домов и больниц, несколько тысяч детских яслей. «Лампочка Ильича» светится по ночам в самых отдаленных углах республики. 168 газет, 21 журнал, тысячи книг выходят в Узбекской республике. Пятая часть населения учится в школах, в техникумах, на рабфаках и в вузах.

Узбекистан строится. Нет ни одного самого глухого уголка, где не белели бы строительные леса, не стояли бы новые дома, школы, больницы, амбулатории. Особенно эти перемены заметны в так называемых «азиатских» частях больших городов.

Столицу Узбекистана — город Ташкент — украсили новые фабрики и заводы, построенные за последние пятнадцать лет. В Ташкенте — кузнице узбекского пролетариата — выросли крупнейшие предприятия Средней Азии, в первую очередь знаменитый Сельмаш, — его машины произвели революцию в обработке хлопковых полей Узбекистана, Казахстана и Туркмении. В Ташкенте — мощный текстильный комбинат имени Сталина, бумажная, швейные, обувные, кожевенные фабрики, хлебозавод, огромные железнодорожные мастерские, предприятия пищевой промышленности, электростанции.

В 1920 году, еще в эпоху гражданской войны, в Ташкенте было открыто первое высшее учебное заведение в Средней Азии — Государственный университет. Теперь в 30 вузах и десятках научно-исследовательских институтов, в сотнях школ, в редакциях многочисленных газет и журналов создает свою культуру узбекский народ.

Вокруг Ташкента на юг, на восток, на запад раскинулись хлопковые поля. Самые большие массивы хлопка находятся в Ферганской долине — главной хлопковой базе Советского Союза. Хлопок растет и в долине реки Зеравшан, и в Бухарском, и в Самаркандском оазисах, и в дельте Аму-Дарьи, где лежат земли Кара-Калпакии¹.

На юг от Ташкента бегут железнодорожные пути. У станции Урсатьевской они разветвляются на восточную и западную дороги. На востоке, замыкаемая Алайским, Ферганским и Чаткальским хребтами, расположена плодороднейшая Ферганская долина.

Железнодорожные линии кольцом огибают оазис. Как драгоценные изумруды, вкраплены в это кольцо зеленые города-сады: Коканд, Наманган, Андижан, Фергана.

Кроме города Ферганы, который под именем Нового Маргелана, или Скобелева, был выстроен русскими, все поселения долины известны с древнейших времен. Тысячу лет назад здесь пролегли караванные пути из Китая в Туркестан.

В 10 километрах на север от Ферганы находится старинный город Маргелан, издавна славящийся шелководством; на северо-восток идет железнодорожный путь к Андижану — крупному промышленному и торговому центру республики. Здесь живет свыше 100 тысяч человек, работают крупные хлопкоочистительные заводы. Отсюда идут до-

¹ Очерк о Кара-Калпакии будет напечатан в одном из следующих номеров журнала.

роги на Алай и через киргизский город Ош, лежащий в 40 километрах к юго-востоку от Андижана, на Памир.

Город Коканд стоит на каналах реки Сох. Обильное орошение и близость грунтовых вод повышают в Коканде влажность воздуха. Обычная для Средней Азии жара переносится здесь с большим трудом. По климатическим условиям район Коканда — худшее для жизни место Ферганской долины. Из-за неблагоприятного климата царские власти перенесли административный центр из Коканда в Фергану.

Андижан — один из самых старых городов Узбекистана. Землетрясения много раз разрушали его, но он возрождался снова. Последнее землетрясение 1902 года уничтожило до основания старый Андижан — разрушено было 26 тысяч домов и строений.

Землетрясения в этой цветущей стране — очень частое явление. Характер землетрясений не вулканический. На территории Средней Азии не осталось ни одного действующего вулкана. Тектонические процессы горообразования здесь еще продолжаются.

В 1928 году землетрясение охватило северные районы Ферганской долины, где стоит город Наманган. Первые же подземные толчки разрушили много зданий в старом городе. От сильных подземных ударов рассыпались непрочные глиняные постройки, оседали тяжелые каменные дома. Наманганское землетрясение продолжалось 40 дней.

На помощь Намангану пришел весь Советский Союз и помог населению оправиться от убытков, причиненных катастрофой.

Как и всюду в Фергане, в Намангане широко развито хлопководство, работают десятки хлопкоочистительных и несколько маслобойных заводов. Через Наманган проходит железная дорога из Андижана и, замыкая кольцо у Коканда, уходит на запад, к Зеравшанскому оазису.

В долине реки Зеравшан раскинулся один из красивейших городов мира — Самарканд, древнейшее поселение Средней Азии.

В окрестностях Самарканда — хлопковые и рисовые поля, фруктовые сады и виноградники. Отсюда идут во все концы Советского Союза абрикосы, рис, персики, инжир, сухие фрукты — курага, сабза (изюм); здесь делают прекрасные виноградные вина. Но основное богатство Зеравшанского оазиса, как и Ферганской долины, — хлопок.

Имя реки Зеравшан, в переводе на русский язык, означает — «Сеятель золота». Двойкий смысл заложен в этом слове. В верховьях река вместе с илом и песком несет золотые крупинки. Узбекские старатели улавливали эти крупинки примитивнейшим способом: они устанавливали против течения реки бараньи шкуры, и золотые песчинки застревали в шерсти. Но колхозники на Зеравшане добывают иное золото — по всему своему течению река расходится по бесчисленным каналам и арыкам, питая хлопок — подлинное золото Узбекистана.

На самом краю оазиса, орошаемого водами Зеравшана, стоит город Бухара — бывшая резиденция эмира, связанная железной дорогой с Самаркандом, Туркменией и Таджикистаном. До революции Бухара-и-Шериф («Благородная Бухара») была очагом мусульманской схоластики и мракобесия. Город, окруженный гигантскими глиняными стенами, задыхался от испарений и пыли. Узкие, как щели, улицы и теснота обусловили строительство высоких, двух- и трехэтажных домов. Крытый базар в Бухаре с лабиринтами темных ходов, кладбища в несколько этажей, хоузы — священные пруды, которые еще недавно кишели бактериями и микробами всевозможных болезней, Регистан — площадь перед дворцом эмира, подземные тюрьмы — зинданы —

В поле.

Чабан каракулеводческого колхоза «Михнат»

Сбор хлопка на опытной станции Наркомзема УзССР.

сохранились до наших дней.

До революции Бухара насчитывала 364 мечети и 5 небольших предприятий, где было занято 60 рабочих. На одного рабочего приходилось более 6 мечетей! Сейчас мечети превращены в гостиницы, школы, библиотеки, клубы. Очаги заразы — хоузы — заменены водопроводом. На месте бывших свалок разбиты скверы, парки и сады. По ночам базар и улицы освещаются электричеством. Только на 2 фабриках Бухары — шелкомотальной и швейной — работает больше 3 тысяч рабочих.

За годы советской власти в Узбекистане создана мощная промышленность: текстильные фабрики в Фергане и Ташкенте, крупнейшие в СССР шелкомотальные фабрики и шелковые комбинаты в Маргелане, Самарканде и Старой Бухаре, гигантский ташкентский Сельмаш, Кувасайский цементный завод, крупнейший маслоэкстракционный завод в Катта-Кургане. С новых фрукто-консервных заводов по всему Союзу расходятся великолепные плоды узбекских садов.

Узбекистан стал цветущей аграрно-индустриальной страной.

Босуйская, Кадыринская, Бухарская, Ферганская электростанции заливают ярким электрическим светом города Узбекистана. В скором времени свободный узбекский народ отпразднует радостное событие: конец строительства узбекского Днепростроя — крупнейшей гидростанции на реке Чирчик, близ Ташкента.

Стремительно несет свои воды Чирчик; он таит в себе 4 600 тысяч киловатт энергии. Мощность чирчикских гидростанций определена в

Хлопок — белое золото Узбекистана.

Фото В. Кудюрова

168 000 киловатт, а годовая отдача электроэнергии составляет 800 миллионов киловатт-часов. На Чирчике строится колоссальный электрохимический комбинат: здесь будут добывать азотные удобрения для хлопковых полей. Чирчикстрой — одно из крупнейших строителей Союза. С окончанием этого строительства Узбекистан получит мощную химическую промышленность.

После революции в Узбекистане начали изучать его природные богатства. В Хаудаге найдена нефть, в 1924 году впервые было добыто около 6 тысяч тонн, а в наши дни ее добыча увеличилась более чем в сто раз. Открыты новые нефтяные месторождения в Джар-Кургане, Уч-Кзыле и близ кишлака Сайдавал Ходжибадского района. В 70 километрах от Ташкента разрабатываются богатые залежи медных руд и строится Алмалыкский медный комбинат, который будет давать ежегодно 75 тысяч тонн меди. Открыты новые запасы угля в Кургитанге, мощные месторождения серы в Шор-су, огромные залежи минеральных красок в Кош-Кзыле.

Исчезла былая оторванность районов, разрозненность народов, исчезло навсегда старое понятие — «окраина». Железная дорога, шоссе, воздушные трассы соединяют друг с другом отдаленные уголки страны. В несколько часов можно добраться до самой южной точки республики — города Термеза на Аму-Дарье и до самого северного города — солнечного Кунграда, лежащего в дельте Аму-Дарьи, где простираются земли Кара-Калпакии — автономной республики, входящей в состав Узбекистана.

В УЗБЕКИСТАНЕ

И. Владимиров

„Нигде, пожалуй, я не наблюдал такого желания слиться с окружающим миром, как в Узбекистане. Почему это так? Не знаю. Должно быть, естественное влияние природы. Купола соборов или мечетей здесь такого цвета, что их нельзя отличить от неба. Жилища — серовато-желтого тона — сливаются с окружающей их желто-серой землей. Песни, гортанные и резкие, похожи на голоса здешних птиц. Музыка — на шелест жестких и пыльных листьев. Шелка — на яркие плоды и цветы узбекской земли. Орнамент — на плоское, потрескавшееся от зноя дно высохшего арыка или хоуза...».

Мне трудно ругаться за точность этой цитаты, но смысл ее именно таков. Она приведена по памяти из рукописи старого анджанского железнодорожника. Он любил Узбекистан, считая его своей настоящей родиной; он занимался в свободное время живописью, бродил по старому городу и пестрым, залитым солнцем, базарам. Профессия заставила его ознакомиться со всей Средней Азией, вернее, со всеми точками ее, через которые тянулись стальные пути, но больше всего он любил Фергану — зеленую Фергану; он писал о ней восторженно, наивно и влюбленно.

В своих рассуждениях наивный «идеалист» был отчасти прав. Природа во всех ее проявлениях — все то, что окружает человека с ранних лет и сопровождает его всю жизнь, — накладывает на характер человека своеобразный отпечаток и отражается на всех проявлениях творчества. Но это только верно подмеченная деталь. Народ и характер его есть продукт сложного и длительного исторического процесса, культура — результат взаимодействия многочисленных, соприкасавшихся друг с другом и влиявших друг на друга культур, она — итог тех социальных взаимоотношений, которые устанавливались в определенное время на определенной территории.

И дело, разумеется, не в той своеобразной мимикрии, о которой писал мой анджанский знакомый. «Слияние» с окружающим миром — следствие необходимости. Это можно видеть хотя бы на том же примере с жилищами.

Узбекистан — бедная лесом страна. Дерево здесь всегда считалось драгоценным строительным материалом. Деревянные полы и потолки были редкостью. Лачуги бедняков и дувалы — заборы, окружавшие эти лачуги, базарные лавки и караван-сарай, дворцы властителей, мечети и медресе строились из той же земли, на которой они стояли, плодородного среднеазиатского лесса. Разница заключалась во внутренней отделке. Внешне дворцы были грандиозны, но так же желто-серы, как и жилища бедняков, внутри же дворцы поражали великолепием — там были мрамор, дерево, полированный камень, металлы, стекло, фаянс, ковры, ткани.

Правом на внешнюю роскошь пользовались только здания, посвященные богу или связанные с ним: мечети, медресе, мавзолеи.

Гигантский труд многих поколений вложен в узбекский пейзаж. Руками узбекского народа создано все богатство природы, которое мы видим в Узбекистане: огромные пространства хлопковых полей, сверкающая сеть рисовых плантаций, тенистые парки в городах, у монастырей, у мечетей, чудесные плодовые сады, виноградники.

Эти руки дали воду плодородной, но сухой, как порох, земле. Вся страна пересечена десятками тысяч арыков, общая длина которых превышает сотню тысяч километров. Каким трудолюбием

должен обладать народ, создавший такую систему орошения! Но еще больше поражает то искусство, с каким эта система орошения задумана и осуществлена. Ведь неграмотным строителям древних гидротехнических сооружений пришлось решать труднейшие инженерные задачи, чтобы провести воду по сложному рельефу страны. И вода идет издалека, поит поля, сады, наполняет бассейны, используется до последней капли.

В глубокой древности народ воздвиг колоссальные постройки — мечети, духовные школы, мавзолеи, сохранившиеся до наших дней. Многие из этих зданий разрушены землетрясением, но величественные их руины все же дают полное представление о высоком искусстве узбекских зодчих. Гигантский купол соборной мечети Биби-Ханым в Самарканде облицован голубой глазурью, и в определенном час дня цвет купола сливается с цветом неба. Порталы зданий на Регистане, арки, колонны и фронтоны мавзолеев Шах-Зинде покрыты рельефными изразцами зеленого, голубого, синего, белого, лилового, гранатового цветов. По изяществу построек, сложности и разнообразию орнамента, свежести и нежности красок Шах-Зинде не имеет себе равных.

Все эти постройки стоят уже много сотен лет, хотя сложены они не из камня и мрамора, а из того же лесса, главного строительного материала древности. И современные строители не могут до сих пор открыть старинных секретов изготовления таких изразцов.

С давних пор — с IV века нашей эры — узбекский народ занимался шелководством, разводил хлопок, добывал и обрабатывал металлы. Культура Узбекистана стояла на высоком уровне. Правда, в иные периоды она падала, развитие ее останавливалось, затем она расцветала вновь. Так было потому, что страна лежала в центре Средней Азии, где скрещивались главные караванные пути, концентрировались торговые интересы Запада и Востока. По караванным тропам время от времени шли завоеватели и покорители Узбекистана: турки, иранцы, арабы, кара-китаи, монголы, татары.

Подобно полчищам тысячеглавых змей
Вторгались покорители в страну степей.
И гибла вся добыча тяжкого труда,
И в груди камня обращались города;
Пути пустыли, сохла зелень без воды,
Пустыня завоевывала вновь сады;
И обращали покорители пустынь
Во все века мужчин в рабов, а жен — в рабынь¹.

Но народ не умирал. Он был бессмертен, потомки погибших возрождали страну, на развалинах строили новые города, очищали каналы и арыки. И снова гортанные песни оглашали сады Узбекистана, а влажными вечерами, у светового круга, отбрасываемого качающейся лампой, под широкой кроной карагача или тута, звенел дютор². Лирический звук его был так нежен и слаб, что не выходил за пределы тесного круга слушателей. Этому инструменту — самому распространенному в Узбекистане — посвящали свои жалобы влюбленные, поверяли свои думы чайрикеры-издольщики, батраки у богатых баев, и он же веселил купцов на шумных базарах.

¹ Поэма «Узбекистан» Махсуд Шейх-Заде, пер. Я. Семенова.

² Дютор — двухструнный инструмент, похожий на домбру, но с длинным и тонким грифом.

На самаркандском базаре.

Фото Д. Дебазова

Народ прекрасной страны был нищ. Он ютился в глиняных лачугах, голодал зимою, трудился от зари до заката долгую весну, лето и осень, женщины ходили закутанные с ног до головы в паранджу, а лицо закрывали сеткой из конского волоса. Шумели базары. Здесь наживались купцы и бай, ростовщики и муллы; здесь прогорали бедные ремесленники; бродили нищие дервиши; кричали трубы глашатаев, объявлявших последнюю волю властителя. Пыль и смрад стояли над городами. Священные хоузы кишели червями и микробами. Стука колотушкой, шел прокаженный. Резким голосом орал с минарета азанчи. Изобилие фруктов и зелени, яркие шелка, крики ослов и верблюдов, блеск солнца на цветных изразцах мечетей — весь этот пестрый и шумный комплекс «просвещенные» европейцы называли «экзотикой».

Народ Советского Узбекистана свободен и богат. Он сам правит своей страной. Он трудится с зари до заката, но никто не отнимает у него плодов его труда. Он живет зажиточно.

Плодородные земли Узбекистана навеки и безвозмездно закреплены за колхозами. Вода стала достоянием народа. Она считалась главным богатством страны. Сейчас основное богатство и слава республики — ее народ, трудолюбивый, талантливый и упорный в достижении поставленной цели.

Старая «экзотика» рушится. Меняется лицо городов. Здания новой архитектуры вошли в города Узбекистана: железо, стекло, бетон. В этих зданиях школы, больницы, редакции газет и журналов, театры, вузы, музеи, санатории, учреждения, кино, клубы, институты, радиостанции.

Меняется лицо старого кишлака с кривыми, узкими улочками, с глухими дувалами, тянущи-

мися из конца в конец селения. Колхозники строят европейские дома — каменные, кирпичные, из местных стройматериалов. У этих домов окна выходят на улицу — прежде дом был повернут маленькими оконцами во двор; в новых постройках высокие деревянные потолки и деревянные полы, новая европейская мебель: столы, стулья, диваны, этажерки для книг, буфеты. Особенно много таких новых домов в Ферганской долине.

В народных песнях Фергану называют земным раем. Замкнутая горами Ферганская долина, обильно орошаемая, — одна из самых красивейших областей республики.

Среди зеленых городов оазиса Фергана — самый зеленый и прохладный город-сад. В нем широкие улицы — аллеи пирамидальных тополей, площади-парки, густая тень, свежее журчанье арыков. К югу от Ферганы местность волнообразно повышается и переходит в синие гряды гор.

Горы кажутся гигантскими декорациями. По мере удаления к горизонту они постепенно светлеют, приобретают голубой, нежно-лиловый, опаловый, сиреневый, розовато-жемчужный цвета; за этой чудесной красочной гаммой встает величественная панорама сверкающих снегов Алая.

Вокруг городов лежат сотни кишлаков, плодовые сады окружают селения. Гранаты, инжир, миндаль, орехи, фисташки, тяжелые яблоки, душистые дыни, янтарный виноград — дары Ферганской долины. Но главное ее богатство — основа экономики республики и база благосостояния ферганских колхозников — хлопок.

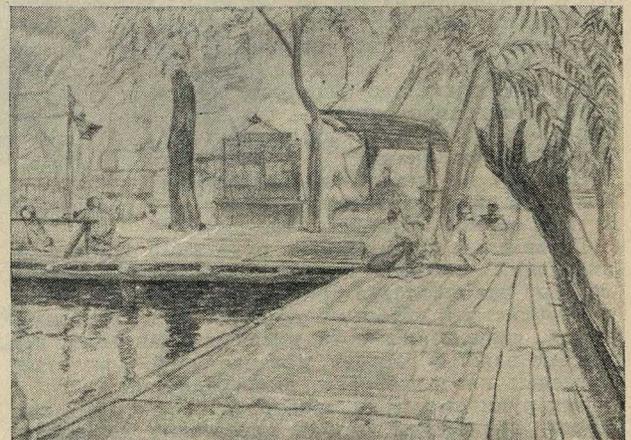
— Нет на свете голодной и нищей былой Ферганы, — поется в песне.

В Узбекистан стекаются тысячи туристов. Они издали приезжают ознакомиться с одной из прекраснейших союзных республик, поглядеть на страну хлопка, побродить по чудесным горам, поближе узнать братский узбекский народ. Немало туристов едет из-за границы. Иностранцы осматривают древние мечети, медресе, мавзолеи, развалины старых домов и кишлаки, горько сетуют на то, что исчезает старая азиатская экзотика.

Как-то в селение Доштоги-Боло, около Самарканда, приехала компания туристов. Автомобиль остановился у колхозной электростанции. Из машины вышла англичанка с фотоаппаратом. Ей понравился кривой, плоскокрыший домик с глухими стенами, с серым глиняным дувалом.

— Зачем она глядит на старье? — спросил подошедший старик. — Эта хибарка идет на слом. Здесь жил я. А сейчас я живу вон там. — И он показал на новенький домик неподалеку от электростанции.

В чайхане.

Рис. С. Солодовникова

УЗБЕКИСТАН. Сбор винограда

Фото Д. Дебабова

УЗБЕКИСТАН, ФЕРГАНСКАЯ ДОЛИНА. Осень. Арык

Фото Д. Дебабова

— Большевики убивают экзотику! — грустно лопотала англичанка.

— Что она говорит? — поинтересовался старик.

— Она жалеет, что вы уничтожаете старину, старинную красоту, — сказал переводчик.

Старик улыбнулся и ответил:

— Передай нашей гостье, что колхозник Телли Турсунов будет счастлив уступить ей этот красивый дом. Пусть живет и радуется. А я уж как-нибудь промучаюсь в новом доме.

Нет, никто в Узбекистане не жалеет о гибели «экзотики». Старинная красота — великолепные памятники мусульманского зодчества — будут сохранены благодарными потомками. Но на местах старинных свалок и экзотических развалин лучше разбить сады и парки.

Нелегко создавалась в Узбекистане новая социалистическая культура. Было время, когда в республике господствовал унылый «коробочный» стиль в архитектуре. Его сменили урбанистические здания из железобетона, с огромными стеклянными плоскостями. Летом в таком стеклянном ящике, накаленном солнцем, нельзя было дышать. По всем инстанциям протаскивали проект строительства в кишлаках русских пятистенных изб. Вот, мол, дерево было прежде у богачей, да и то только на полах и потолках, а советское государство целые дома из дерева строит. Но это уже в прошлом. Теперь и в городах, и в колхозах Узбекистана есть немало удачных построек.

В широких кругах населения пользуется особой любовью скрипка; в ряде колхозов открыты музыкальные школы. Некоторые местные «культуртрегеры» встретили в штыки певчий инструмент:

— Почему скрипка? почему рояль? разве плох дюдюр? Разве плохи карнай (огромная труба) и зурна? Вот из этих инструментов и надо составлять наши оркестры.

Но наряду с этими голосами раздавались и другие. Воспользовавшись спорами, враги народа начали охаивать национальную музыку, утверждая, что узбекская музыка — дика, что национальные инструменты — крикливы и что пора все это «варварство» запретить.

Этот перегиб не мог, разумеется, не вызвать раздражения. После разоблачения троцкистско-ходжаевской банды все эти споры были сняты с повестки дня.

В декаду узбекской музыки в Москве республика показала превосходные образцы национальной музыки и народного театра. Наряду с этим развивается новая узбекская музыка, появились композиторы, родились новые песни.

Улица в Ташкенте

Фото В. Кудоярова

Неизмеримо выросла и узбекская литература; имена и песни народных поэтов и певцов знает вся республика. На узбекский язык переводятся лучшие произведения мировой литературы, и колхозник в далеком кишлаке может читать на родном языке Пушкина и Шекспира, Руставели и Шевченко, Толстого и Шолохова.

Значительно медленнее развивается живопись. Тут приходится начинать почти с азов. Ни в одном городе Узбекистана нет старинных портретов. Никто не знает, как выглядел и знаменитый Тимур или Узбек-хан. Ислам запрещал изображение живых существ. Поэтому живопись старого Узбекистана была односторонней. Это в большинстве декоративный или архитектурный орнамент, элементами которого служат геометрические фигуры, цветы и листья. Лишь однажды введены были «запрещенные» фигуры — огромные золотые львы на фронте одной из прекрасных мечетей самаркандского Регистана. Их изображали не узбекские художники-орнаменталисты, придавленные религией, а иранские мастера-вольнодумцы. Если у современных архитекторов, музыкантов и писателей были безмянные, но гениальные предшественники, то у художников-станковистов настоящих предков не было. Превосходные резчики по металлу и дереву, орнаменталисты — каменщики, гончары — все это были превосходные мастера, которые могли передать потомству немало образцов подлинного искусства, но не ту живописную культуру, к какой стремятся сейчас узбекские художники.

Так, волею большевиков, волею народа меняется страна и ее культура.

Рис. С. Солодовникова

На берегу Сыр-Дарьи.

Мое знакомство с Хайбером состоялось у горько-соленого колодца Узун-Кудук, в самом центре Кенимехской пустыни. Так называется равнина, граничащая на западе с могучей среднеазиатской рекой Аму-Дарьей, на севере и востоке — с пустыней Кызыл-Кум и на юге — с полосой орошаемых земель Бухарского оазиса. Именно здесь, у одного из тех колодцев, что просверлили люди в Кенимехе, была расположена главная штаб-квартира чабанов Юсуповского колхоза, кочующих с отарами каракулевых овец.

Хайбер был потомком знаменитого Курбаша¹, огромного угрюмого пса-вожака, прозванного так за свой нелюдиный нрав и жестокое обращение с подчиненными ему по стаду собаками. Его бабушка Джаным в расцвете сил погибла в этих местах, изорванная в клочья шалой волчьей стаей. Его мать Баянд, оценившись в один из весенних дней на пастбищах у колодца Узун-Кудук, вскоре тоже пала жертвой коварного нападения волков. Хайбер остался сиротой, имея неделю от роду, и вырос, воспитанный старым чабаном Ширин-Бобо. Старик чабан давал сосать свой палец глупому кругоголовому щеночку, скулившему по матери, у которой были такие теплые соски и ласковый язык.

От своего прадеда, нелюдиного Курбаша, унаследовал Хайбер отвагу и ум. От бабушки Джаным — тонкий нюх. От матери Баянд — сообразительность. Рослый и мускулистый, с могучей грудью, он ступал легко и изящно, гордо неся на крепких плечах кругую голову с короткой черной и жесткой шерстью. Он таил в своем сердце неугасимую ненависть к волкам, недолюбливал и людей, не доверяя никому из них, кро-

¹ Курбаш — главарь.

ХАЙБЕР СЫН ХАЙБЕРА

Эль-Рештан

ме Ширин-Бобо и его пятнадцатилетнего племянника Юлдаша.

Ширин-Бобо и его племянник Юлдаш клялись, что Хайбер понимает все, о чем говорят между собой люди.

— Не собака, а бадахшанский рубин, отделанный ювелиром благородной Бухары! — восклицал Ширин-Бобо, закладывая под язык порцию зеленого табака.

Хайбер, лежавший шагах в двадцати пяти от нас, поднимал голову и, шевеля ушами, прислушивался к нашему разговору.

Старик Ширин-Бобо, старший чабан Юсуповского колхоза, вырастив Хайбера, поставил его вожаком, зная, что ни одна овчарка в Бухарском оазисе не сможет конкурировать с потомком Курбаша в искусстве вожделения каракулевых стад по пастбищам Кенимехской пустыни.

Только в пустынях и оазисах далекой Средней Азии водится каракулевая овца, шкурка которой пользуется неизменным спросом во всем мире. Каракулевая шкурка ценится дороже золота — это не пустые слова. Мне приходилось видеть в одном из колхозов Бухарского оазиса шкурку цвета «сур», которая в 1928 году была оценена в пять тысяч рублей золотом на всемирном пушном аукционе в Ленинграде. Она была непередаваемого золотистого цвета, переливалась и искрилась, восхитившая взор своим изумительным по красоте узором и волосом, соперничающим с самым тончайшим шелком.

Лишь соленые воды пустынь Бухары, Кашка-Дарьи, Хорезма, Туркмении и Кара-Калпаки и особые травы, секрет которых из поколения в поколение передают искусные чарвадары (каракулеводы), особый режим и уход за матками может принести хорошее каракулеводное потомство. Трудно сказать, от кого больше зависело благосостояние каракулеводного стада Юсуповского колхоза, — от опытного колхозного чарвадара Ширин-Бобо или от вожака собак Хайбера.

На каждые пятьсот овец в стаде был один чабан, а всеми чабанами распоряжался старик-великан Ширин-Бобо. При каждом чабане были две собаки, шестнадцать собак входило в подчинение Хайбера, который сам подчинялся только Ширин-Бобо. Каждая собака получала ежемесячно 24 килограмма муки, молока и мяса. Чабаны варили из муки для своих псов болтушку на заре и при заходе солнца. По настоянию Ширин-Бобо правление колхоза назначило Хайберу тридцать два килограмма муки, и старший чабан строго следил за тем, чтобы болтушка вожака была как следует заправлена молоком и маслом.

Проникнутый сознанием своей ответственности, Хайбер ступал, высоко подняв голову, впереди четырехтысячной отары овец.

Пять псов шли постоянно с правого фланга, следя за тем, чтобы ни одна овца не отделялась от общей массы, пять — шествовали слева. В тыл стада Хайбер ставил истребителя волков Чонтая и суку Кизляр, обладающую острым нюхом, в голове шел сам, вызывая коротким лаем Бесхвостого и Мужественного, когда того требовали обстоятельства. Удаву вожака разрешал шагать непосредственно вслед за собой.

Хайбер знал все повадки своих кровных врагов. С тех пор, как его поставили вожаком собак, не было слу-

чая, чтобы юсуповское колхозное стадо понесло урон от нападения волков. В тоскливые зимние ночи, когда ветер, острый, как бритва, метался меж горько-соленых колодцев по безбрежной Кенимехской равнине, когда с воем кружились седые бураны, — Хайбер, одетый в зимнюю черную пушистую шубу с белой отметной на груди, неторопливой рысцой обегал стадо, сопровождаемый Удавом, Бесхвостым и Мужественным, сбивая овец в тесную кучу, оцепляя ее подчиненными ему собаками. Он не смыкал по ночам глаз, по нескольку раз проверяя, как выполняет свои обязанности собака охрана.

За час до рассвета, когда созвездия бледнели на небе, Хайбер протяжным лаем подавал сигнал, и собаки громко отвечали ему. Дремлющие вокруг угасающих костров пастухи плотнее запахивали огромные бараньи тулупы. Отдав сигнал к побудке, вожак вновь обегал стадо. Он останавливался перед заспавшимися пастухами, тербил теплые тулупы и лаял до тех пор, пока они не сбросят с себя окончательно сладкую дрему.

Закончив ночной обход, Хайбер направлялся к юрте Ширин-Бобо. Вожак знал, что старик уже встал и что его ждет у порога юрты ароматная болтушка, заправленная молоком и маслом. Сытно поев, Хайбер ложился спать, он спал каких-нибудь полтора-два часа, ухитряясь даже сквозь сон наблюдать за всем происходившим вокруг.

Нередко днем, когда стадо, медленно передвигаясь по равнине, паслось на зимних пастбищах, пастухи обнаруживали на снегу следы голодных волков. Ночью они кружились вблизи стада в тщетной попытке улучшить удобный момент и напасть на овец. О, это была суровая и тяжелая жизнь, полная невзгод и лишений, но Хайбер их переносил легко, — его движения были легки и свободны, грудь раздавалась еще шире, чуть становилось острее.

Как-то стада Юсуповского колхоза паслись в Волчьем логу Кенимехской пустыни. Сюда перегнал своих овец Ширин-Бобо, едва заалели на грядках холмов кроваво-красные тюльпаны, едва, захлебываясь в любовном зове, заклохотали пятнистые куропатки. Весна была ранней, и трава ялтыр-бош, обладающая замечательными питательными свойствами, дружно пробивалась к яркому азиатскому солнцу из набухшей живительными соками земли. От травы ялтыр-бош овечьи вымя наполнялось густым и сладковатым молоком, укреплявшим хрупкие кости ягнят; быстро наливалось их тело, покрытое шелковистой шкуркой.

Каракулевые овцы с ягнятами паслись в этот день километров в десяти-двенадцати от юрт, в которых была расположена штаб-квартира юсуповских чабанов. Здесь были ягнята «араби», с волосом черным, как самая темная беззвездная азиатская ночь; здесь были серые матки «ширази», воспетые в песнях бродячих певцов;

желто-бурые овцы «камар»; здесь были белые овцы «кара-кулак» с черными ушами и, наконец, матки «сур», с волосом, свитым в драгоценные завитки. Шелковистые шубки ягнят «сур» отливали золотыми искрами.

Было самое лучшее время для скота, много рождалось двойняшек в эту весну. Каждый час на свет появлялось новое существо на длинных хрупких ножках, одетых в шелковые чулочки.

Хайбер сидел на камне, зорко поглядывая по сторонам. Опытные матки, почувствовав приближение родов, суетливо отделялись от стада, ища укромного местечка, и сейчас же над прилегшей на землю овцой вырастал фигура собаки. Собака стояла, как часовой, терпеливо выжидая конца родовых схваток, и лаем извещала пастухов о прибавлении в колхозном стане. Тогда от группы чабанов отделялся Карим-Ака, неразговорчивый рябой парень, и, погоняя впереди себя ишака, приближался к месту происшествия. Несколько переметных сум, перекинутых через спину ишака, болтались по бокам, и из сум торчали черные, серые и золотистые головки ягнят, с глазами, устремленными на раскрывшийся перед ними необъятный и удивительный мир. За флегматичным ишаком, семена ногами, с бляением следовали мамы новорожденных ягнят. Такого порядка строго придерживался Ширин-Бобо, по опыту своему зная, что через час-два после катанья на ишаке ягненок запрыгает уже по траве на окрепших своих ножках.

Вожак овчарок, пригретый солнцем, собирался уже вздремнуть, но заметил, как заметалась вдруг в сильном беспокойстве одна из маток. Это была прекрасная овца «сур», выращенная из прошлогоднего приплода, молодая мать изумительного, лучшего в стаде ягненка, которого сразу же оставил на племя Ширин-Бобо. Скосив глаз,

Хайбер следил за ее поведением. По тому, как она блела, по тому, как она металась из стороны в сторону, Хайбер понял, что она потеряла своего ягненка. Беспокойство и тревога матери передались ему, и неторопливой хозяйской рысцой он затрусил по стаду, отыскивая знакомого золотистого ягненка.

Солнце клонилось к закату, когда Хайбер, отделившись от стада, деловито обегал ложину, с которой недавно спустились овцы. В ложине ягненка не оказалось. Хайбер пересек напрямик широкую холмистую гряду, за которой овцы паслись до полудня. Шаг за шагом он упорно обыскивал усеянные камнями подошвы холмов. Он шел неторопливо, обнюхивая землю, стараясь отыскать в следах, оставленных тысячным стадом овец, следы маленьких копытца знакомого ягненка «сур».

Помог ветер. По запаху Хайбер нашел, наконец, золотистого ягненка. Глухой, неопытный, он, расшалившись, наверно вывихнул ногу, попавшую в сусличью ямку, и дрожал теперь, худенький и хрупкий, от боли и страха. Хайбер, укоризненно обнюхав ягненка, мягко ткнул его носом в бок. Ягненок, пропрыгав несколько шагов на трех ножках, остановился. Хайбер осмотрел ягненка со всех сторон, выругал его коротким лаем и, осторожно подталкивая его носом, медленно погнался впереди себя, давая передышку через каждые десять-двадцать шагов.

Солнце село уже давно, когда Хайбер провел ягненка через гряду, а стада все не было видно. Оно, вероятно, было уже в Волчьем логу на отдыхе; в чугуном котле уже давно чабаны сварили аппетитную пшеничную болтушку. Хайбер бережно ткнул мордой ягненка, который, улегшись, беспечно шевелил губами, нежными, как замша.

Ягненок нехотя встал, поджимая ноющую ножку.

Так, двигаясь медленнее черепахи, привел Хайбер золотистого ягненка «сур» в полночь на Волчий лог к чабаньему стану — и, не найдя здесь ни стада, ни людей, ни юрт, ни костров, завыл. Протяжные звуки его призывного воя неслись по ущелью, обгоняя шелест ветра, потянувшегося с гор. Иногда Хайбер умолял, сжимал челюсти и прислушивался. Его коротко обрубленные уши вздрагивали. Ничего, кроме шелеста ветра и шороха полевых мышей. Хайбер опустил свою тяжелую голову, озабоченно прикасаясь холодным и влажным носом к маленькому и нежному существу, свернувшемуся в зябкий комочек у его ног.

Ни на одно мгновение Хайбер не сомкнул глаз за всю ночь, осторожно вслушиваясь и вглядываясь в чернильную тьму. Назойливо пищали мыши, где-то неподалеку за камнями зловеще прокричала сова. Хайбер лежал мордой против ветра, вытянув вперед могучие лапы с твердыми, как черепаховый панцирь, когтями.

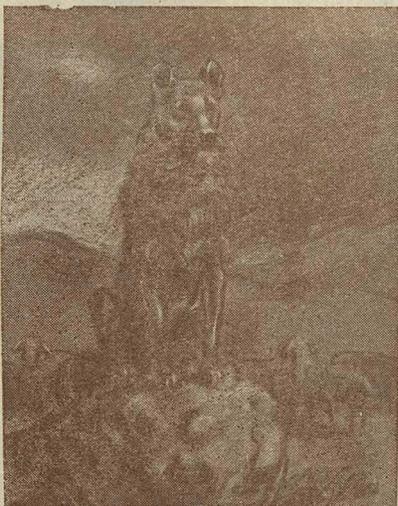

Рис. А. Шульца

Хайбер сидел на камне, поглядывая по сторонам.

Он упорно продолжал вести ягненка по следу стада

Рис. А. Шульца

Между его лап спал золотистый ягненок.

Когда созвездие Скорпиона, побледнев, стало растворяться в небе и начали смутно обрисовываться контуры пригорка справа, Хайбер встал, потянувшись всем своим мускулистым телом, и разбудил ягненка. Ягненок заблеял, ступив на большую ножку.

Хайбер упорно продолжал вести ягненка по следу стада. Судя по запахам, которые носились в воздухе, стадо было где-то неподалеку.

Край огненного диска выглянул из-за горизонта, и весеннее безбрежье Кенимехской пустыни заалело цветами кровавых тюльпанов и дикорастущего мака. Стайки пестрых туртушек (степных куропаток) потянулись к востоку, к горным родникам.

Хайбер выбрался с ягненком на тот берег высохшего сая (сухое русло), как вдруг из яра выскочил молодой волк и прилег, по-кошачьи вытянувшись, в каких-нибудь 50 шагах, нагло перерезав дорогу. Шерсть мгновенно вздыбилась на шее Хайбера.

Вскоре с противоположной стороны выскочили еще пятеро, отошавших за зиму, волков и старая, с изорванным ухом, волчица. Они остановились, предвкушая легкую добычу. Ягненок улегся у ног собаки и беспечно почесывал плечо здоровой ножкой. В горле Хайбера глухо заклокотало. Кровь расплавленным свинцом разлилась по его жилам, хлынув к горячему сердцу. Хайбер оглядел местность карими глазами, в которых загорелись желтые огни.

Глубокая, обрывистая трещина отделяла его от первого волка и старой волчицы. Сомкнув челюсти, Хайбер огромным прыжком перемахнул через трехметровую трещину, промывтую дождями, и нанес страшный удар грудью молодому волку. Волчица бросилась на собаку сбоку. Волк с разбитой грудной клеткой летел с кручи и за ним последовала туда же, захлебываясь собственной кровью, старая волчица.

Хайбер молнией перемахнул обратно. Он встал несокрушимой стеной

Со стороны выскочили отошавшие за зиму волки.

Рис. А. Шульца

перед ягненком, готовый к встрече с остальными хищниками, и торжествующе взвыл, гордо запрокинув голову.

И на зов Хайбера пулей вылетели из-за пологих скатов зеленеющих вдаль холмов страшный Удав и угрюмый Гурзан, сухопарый красавец Гезал и мужественный Заранг, бесхвостый Чонтай и бурый Алмаз.

Вслед за собаками к месту схватки Хайбера с волчьей стаей бежал, запыхавшись, юный Юлдаш, племянник старого чабана Ширин-Бобо, сжимая в руках заряженную картечью тульскую двустолку, которую подарил ему дядя в день, когда Юлдашу исполнилось 15 лет. Грозным почетным конвоем окружали его лучшие овчарки Кенимехской пустыни, цвет и гордость Юсуповского каракулеводческого колхоза.

Здесь были все. Не было только суки Кизляр, обладающей редким умом и тонким чутьем. За час до рассвета она оценилась на новом чабаньем стану, и старик Ширин-Бобо варил для нее болтушку, не жалея молока и масла. А она лежала, слабая, но счастливая, поглядывая на своих четырех щеночков, жадно прильнувших к соскам. Прохладный утренний ветерок понес по колхозным станам безбрежной Кенимехской пустыни Бухарского оазиса весть о том, что родились четыре щенка, как две капли воды, похожих на Хайбера, знаменитого вожака Юсуповских стад.

Пять лет спустя в знойной Сурхандарьинской области на берегу Аму-Дарьи, у границ Узбекистана с Афганистаном, мои пути сошлись с жизненными путями потомков Ширин-Бобо и знаменитого вожака овчарок Хайбера.

Это было под вечер на Энской пограничной заставе. В комнату дежурного по заставе вошел наряд в составе двух бойцов, назначенных в ночной секрет на границе. Чем-то очень знакомым повеяло от стройного юноши-узбека, который вытянулся в струнку перед начальником заставы, держа на поводу сторожевую собаку.

Напрягая свою память, я внезапно вспомнил безбрежные просторы Кенимехской пустыни, каракулевые отары Юсуповского колхоза, старика чабана Ширин-Бобо и знаменитого Хайбера, правнука угрюмого Курбаша.

— Простите, как зовут вашу собаку, — спросил я у пограничника-узбека.

— Разрешите ответить? — звякнул шпорами боец-пограничник, обращаясь к начальнику.

Получив разрешение, боец сказал: — Его зовут Хайбер, сын Хайбера, подарок Юсуповского колхоза. — И любовно потрепал шею овчарки.

Я обменялся горячим рукопожатием с Юлдашем, племянником Ширин-Бобо, вступившим добровольно в части войск пограничной охраны СССР на далекой южной границе.